

Геннадий ДЕМИН
ПОД ЗНАКОМ
ДРАМЫ

Когда-то подобный ракурс - с заголовком типа "О чем рассказала афиша" - был у критики весьма популярен. Главным образом потому, что выводы оказывались известны заранее, с теми или иными мелкими отклонениями. Статистика названий, как и вся статистика, предпочитала умалчивать о том, что знала. Свышезаданный расклад на "датские" пьесы, военно-патр. или историко-рев. тему, нравств. проблематику, сов. и заруб. классику и т.п. априорно исключал наблюдения за динамикой театрального процесса, дискредитировал саму идею обозрения. Обстоятельства времени и образа действий изменились. Разброд власти дает такую волю в выборе, которой уже не предвидится в обозримом будущем. Отдельные всплески гонений - вроде запрета "Стройбата" в ЦАТСа - прощальный привет старых структур, а новые пока еще тщательно прячут коготки, преследуя людей, а не идеи. И обзор премьерной драматургии представляет

ныне ничем не замутненную (кроме вкусов публики) картину устремлений режиссеров и театров. Смена ориентиров налицо - пьесы общественного резонанса почти исчезли. Отходную политтеатру пропели на самом маститом критическом уровне, так что лишь отъявленные смельчаки способны противостать внушаемому "единодушию" - порой небезуспешно. "Трехгрошовая опера" в студии "Театр" или "Калигула" в Моссовете не зря входили в число претендентов на звание "Гвоздя сезона", а дипломный "Город мышей" Щукинского училища можно принять за манифест поколения. Маскировка политсцены - чаще всего в исторические одеяния - говорит прежде всего о: во-первых, значении качества пьесы (Б.Б. или А. Камю предпочтительнее М. Шатрова); второе - отбор должен быть не конъюнктурным, но закономерным для постановщика и его труппы. Схлынул и повышенный интерес к запрещенным совклассикам: не было премьер Платонова, Бабаля, лишь немного - Булгакова (в его юбилейный год). На фестиваль в Киеве прибыл лишь один, достаточно древний спектакль из столицы, не завоевав особых лавров. Небрежение вызвано отнюдь не верной оценкой собственных сил

режиссерами и театрами, но следованием моде. Тот же спад - в отношении пьес абсурдистов, которые еще недавно шли могучим потоком и также без особых успехов. Причина - та же: пристрастие к Беккету или Мрожеку должно быть личным. Удача (в большей или меньшей степени) сопутствует тем, кто не оглядывается на ветренность публики. Предрекали сезон классики, однако ее было немного. Быстро распавшийся "Маскарад" в 5-й студии МХАТ, "Дикарка" в Малом, "Таланты и поклонники" в Дrame Станиславского... Заметный процент постановок осуществлен заезжими режиссерами: "Сон в летнюю ночь" в Пушкинском - из Канады, "Мещанин во дворянстве" Малого - из Израиля. "Кеткен из Хайльбронна" там же - из Германии. Для иностранных визитеров классика - интернациональный язык, для своих - поле экспериментов, на которое имеет смысл ступить лишь с ясным представлением о цели и во всеоружии метода. Тогда появляются "Три сестры" у Погребничко, "Играем" "Преступление" Гинкаса, "Лес" Мокеева... Эрацем - появление "малой классики": либо не самых популярных произведений, либо не самых известных авторов (часто и то, и другое). Здесь

можно надеяться на интерес публики, но ответственность не слишком велика. Г. Гауптман, А.К. Толстой, П. Мериме - априорно компромиссный путь обречен на неудачу. Деление на стандартные рубрики кончается, возникает расслоение по жанрам. Торжествует и процветает мелодрама - желательна с привкусом авантюры и адиюльтера, жанр популистский, то бишь - коммерческий. Среди причин появления "Виктории" и "М. Баттерфляй", "Там же, тогда же..." и "Дамы без камелий" не последняя - отлично выписанные роли (сыгранных гораздо меньше), что до художественного вклада - когда у масскульта он был высок? Явная новинка - наплыв драм русского зарубежья: от Аксенова до Солженицына, от Горенштейна до Максимова. При объективной необходимости объединения двух потоков русской литературы мотивы конкретных постановок представляются более прагматичными: если не удастся поразить собственными усилиями, может, сработают признания вне Отечества? История с ушедшими классиками (см. выше) повторяется. На последнем месте - родная драматургия, в верности которой клялись недавно все теабоссы. Авторы, похоже,

можно перечест по пальцам одной руки: Алексей Шипенко появился не только в "Сатириконе", но и во МХАТе - погист на первую официальную сцену страны ему удалось быстрее, чем в свое время Вампилову и Петрушевской. У последней там же вышла "Темная комната", иселив надежду, что долгий и малорадостный роман с театром увенчается наконец хеппи-эндом. Остальные имена и постановки столь случайны, что драматург В. Павлов решил сам воплощать на сцене собственные творения ("Джазмен" - "Ардани"), а вызов М. Захарова, выпустившего заведомо вторичную "Школу для эмигрантов" плодового Д. Липскерова, выглядит благородством - даже при очевидном расчете. Итог, как ни странно, утешителен: пьеса возвращается на законное место. Сенсационность имен, названий, тем сошла к нормальному минимуму. Отмеченная критиком Н. Карповой тенденция - брать произведения, когда-то имевшие успех (логическая вершина в новом сезоне - "Турандот"), вряд ли перспективна. Театру остается надеяться лишь на собственные силы - без оглядки на толпу, заменившую минкульты и главлиты.